

ОЛЕГ ДОРОГАНЬ

НА СИБИРСКИХ БЕРЕГАХ БЫТИЯ

*Моя измученная жизнь
Летит, как птица стерх,
В палящий зной то вверх, то вниз,
Но чаще всё же вверх.*

Иван Переверзин

Перед нами явление Ивана Переверзина – уже не как поэта, а как прозаика с многоплановым, полифоническим романом “На Ленских берегах”. Этот роман выдержал сразу несколько редакций и переизданий, и обречён, скорее, на счастливую судьбу, а не на многострадальную. Неспроста и внесён он издательством “Вече” в серию ста великих романов двадцатого века. Масштабная заявка? Несомненно. И любому критику, пожалуй, было бы интересно проследить, в чём секрет его успеха. А он не только в том, что его отметил в своей статье Лев Аннинский.

Предвижу, нынче любая пафосность в критической оценке, особенно позитивная, вызывает, скорее, скепсис, нежели единодушное признание. Поэтому разберёмся внимательно, в чём сущность “магического кристалла”, через который автору удалось взглянуть на мир и отразить его так, чтобы попасть не в “молочко”, а в “яблочко”. В чём отличительные художественные свойства и достоинства романа, именно отличительные – отличные от множества других?

Повествование разворачивается вольно, сдаётся, сама жизнь надиктовывает его в своём свободном течении, полномводном и плавном, а временами тревожно беспокойном и бурном, как у Лены-реки. И эта жизнь – государственная и человеческая, бытийная и событийная – окружена богатейшей сибирской природой с её неповторимыми яркими красками, воспроизведёнными в прозаической ткани очень чутко, тонко и проникновенно – то филигранно, то широкими мазками живописной кисти слова.

Широкий авторский взгляд, когда направлен он на таёжные и полевые дали, замечает каждую подробность, из которой вырисовывается общая картина мира. “С правой стороны возвышался бор, где на густорастущих белоствольных берёзах широко пахнущие коричневатые почки раскрылись – и клейкая светло-зелёная листва, словно речной утренний туман, шарообразно окутала деревья. Степная, до самого горизонта синяя-синяя даль больше светло не просматривалась между набравших земной сок гибких веток. В бору вернувшиеся с юга чижи, красногрудки и дрозды, перелетая с берёзы на берёзу, во все сладкозвучные голоса, сливавшиеся в хор, распевали исполненные любовью к родному краю вдохновенные, залиvistые песни”.

В основе сюжета романа – история любви директора совхоза Анатолия Петровича Иванова и красавицы Марии, агрохимика, приехавшей в якутский край. Отображая уклад сибирской жизни людей советского периода, автор обозначает свой духовно-нравственный и художественно-эстетический идеал. И с высоты этого идеала читатель вместе с автором смотрит на жизнь как бытие, и поневоле сравнивает с сегодняшним образом жизни.

Этический и эстетический идеал токами пронизывает все картины, все сцены книги. Он заявлен с самых первых строк романа, с отражения маленького космоса женской красоты как матрицы красоты вселенской. “Белокурая женщина двадцати с небольшим лет, в элегантном, домашнем, сшитом из тонкого бархата халатике светло-жёлтого цвета, так идущего к её слегка смуглому, трогательно-нежному лицу, с тонкими, словно вырезанными мастерски скальпелем тёмными бровями-скобками, с сочными чувственными губами, сидела на деревянной двуспальной кровати, аккуратно застеленной жаккардовым светло-коричневым одеялом, в небольшой, но уютной, только что убранной до блеска спальне”.

С такой любовно-внимательной обрисовки женского образа Иван Перверзин начинает свой роман. В обрисовке образа главной героини Марии авторская симпатия, идущая от его представлений об идеале женской красоты, предельно раскрепощена, а сам образ насыщен необыкновенной щедростью красок.

Неотъемлемым компонентом повествования в романе выступает природа, но не как атрибут пейзажа или внешнего фона, а как составной план со своей драматургией.

“Любуешься неповторимым горным пейзажем, вдыхаешь всей грудью густой и чистый, словно хрустальный, насыщенный озоном воздух – и от счастья, невольно охватывающего сердце, хочется жить и жить, хотя при этом почему-то неожиданно ловишь себя на горькой мысли, что человеческая жизнь, увы, скоротечна”.

Утрата как обретение и обретение как утрата вечно рядом, вечно меняются местами. И создаются эти качели бытия, они и выстраивают эту гармонию, которая всегда где-то рядом, однако все её ищут и достигают по-своему.

Судьбы героев и, прежде всего, героя главного озаряет любовь земная и неземная. И тривиальный адюльтер, мимо которого не прошли многие тысячи романов, силой авторского мастерства приобретает черты индивидуальной неповторимой драмы. Слава Богу, все горести и разочарования первой любви, опороченной неверностью, окупаются сторицей любви другой, настоящей и единственной.

Однако любой роман был бы не полон, если бы сводился только к описанию любви, какой бы всеобъемлющей она ни была.

Вот она – эпоха, да, отошедшая, да, обруганная, охаянная, однако мировую историю без неё представить невозможно. И вечность приняла её в своё лоно, а вместе с ней – миллионы энтузиастов грандиозного освоения необъятных пространств и космоса, возведения гидроэлектростанций и атомных станций. Вот и Братская ГЭС здесь высится триумфальной аркой, победно пропустившей через себя многие тысячи человеческих судеб вместе со стремительными волнами Ангары.

Это была эпоха магистрального направления в светлое будущее.

А какие магистрали и горизонты открываются теперь для нашего народа и всего человечества при неолиберальной модели общества? Одни развилки, где вновь и вновь возникает “вот, новый поворот” и всё идёт по кругу. А если и есть известная спираль развития, то она не столько восходит ввысь, сколько буром вонзается в земную пустоту. И ровная линия дороги от олигархических и бюрократических знаков-указателей на ней зачастую превращается в лабиринт, в котором душа человеческая блуждает, как в потёмках.

Главный герой романа Анатолий Петрович Иванов – плоть от плоти, кость от кости своего времени. Он, как верховой пожар, “так же неукротим, так же порывист, так же целеустремлён”. И он смело может о себе сказать: “Любая преграда, кроме вдохновения и желания во что бы то ни стало её преодолеть, в моей душе ничего другого не вызывают! Больше скажу: если бы жизнь не воздвигала передо мной одну преграду за другой, то я, чтобы не впасть в апатию, сам бы их искал, а скорей всего, ставил бы перед собой такие проблемы, решать которые можно, лишь живя самым настоящим образом на разрыв аорты”.

И решает он проблемы не столько как руководитель местного советского хозяйства, сколько как государственный идеал державности может порою, как дамоклов меч, нависать над ним, но от него никуда.

В нескольких авторских характеристиках и самохарактеристиках Анатолия Петровича видно, какая основа стоит под его идеалами: "...всеми правдами-неправдами не лезу, внутренне сжигаемый самолюбием, по служебной лестнице вверх, а, словно пожарник с самолёта на парашюте, выбрасываюсь в самую гущу таёжного пожара! — где, если не победить, значит только одно — умереть".

Идеалы постоянно отдаляются, как горизонты. Анатолию Петровичу постоянно приходится попадать в непростые, подчас каверзные, а то и коварные ситуации, испытывать на себе подковёрные интриги со стороны своих заместителей, вплоть до покушения на его жизнь. Автору важно увидеть и показать противоречия в психологии людей, конфликтообразующие, порой сводящиеся к их обыденным свойствам и чертам характера, таким как, например, зависть или ревность. Они, кажется, возникают на ровном месте, а могут привести к драмам и трагедиям.

Дорогого стоит отличное знание автором якутской культуры и передача его на высокохудожественном литературном материале. Вот описание героини Оксаны Яковлевой на якутском национальном празднике: "...Она была в красивом национальном свободном, ниже колен, светло-вишнёвом платье с длинными рукавами, отороченном по подолу соболиным искрящимся мехом, а повыше — украшенном двумя рядами круговых полос белого и красного цветов с причудливыми узорами, вышитыми синими нитками. Голову венчала высокая треугольная суконная корона, почти сплошь покрытая рисунками сцен поклонения солнцу, мастерски вырезанными из листовой меди, ярко начищенной и отливающей солнечным светом. С обеих сторон короны до самого кожного пояса свободно свисали в виде разных геометрических фигур колоритные языческие украшения, нанизанные на крепкие нити, сплетённые из конского волоса. Длинные манжеты были узорчато вышиты по атласной красной ткани червлёным золотом. На узких запястьях огнисто посверкивали ярко-жёлтые браслеты, сделанные настолько мастерски и выразительно, что их можно было смело отнести к произведениям большого прикладного искусства! Ноги, обутые в сапожки, пошитые из выделанных до сине-серого цвета оленьих камусов с удобными невысокими каблуками, на уровне икр отделанные матовыми светлыми бусинками, почти точь-в-точь похожими на морские глубинные жемчуга, казались необычайно красиво и стройными".

Автор, подобно олонхоусту — певцу якутского эпоса "Олонхо", — изумляет щедростью таланта, богатством красок, которые всеми цветами радуги переливаются в его литературной палитре.

Даже этого фрагмента достаточно, чтобы дать почувствовать всю силу авторского таланта и вдохновения. Его художественно-эстетический идеал виден в красоте и точности языка, он виден во всём, — и это стало отличительной особенностью авторского стиля, и стиль этот служит общей архитектонике многопланового эпического произведения.

А в нём — распахнутое пространство Сибири — этой кладовой неисчерпаемых природных ресурсов, экологически чистой и во многом ещё не освоенной. Неспроста сегодня она приковывает к себе пристальные взгляды всего мира, от светящихся надеждой до завидующих и алчных. Тем более, что в старорокаллионной России треть пространства на востоке заселена всего-то шестью миллионами населения. И по всем прогнозам и пророчествам, Сибирь, вопреки всем глобальным катаклизмам и катастрофам, останется нетронутым островом человечества, где оно станет обретать новую жизнь. Нет, не хотелось бы, чтобы сбывались пророчества Ванги о том, что Америка, Япония, часть северо-западной Европы уйдут Атлантидами на дно океана, пусть они и высказаны в пользу Сибири, её спасительно благополучного будущего. Мировая гармония зависит от любого уголка нашей планеты. И как это важно, чтобы заселяли эти обширные земли настоящие люди.

В образе главного героя романа Анатолия Петровича многое угадывается от самого автора, его характера, биографии, судьбы. Всё больше убеждался он в несостоятельности тех парторгов, которые его окружают. Они, на его взгляд, вместо того, чтобы заниматься воспитательной деятельностью

с несознательными работниками, требующей кропотливого труда, выдержки и вдохновения, с которым только и можно в напряжённой работе с “человеческим материалом” добиться необходимого результата, идут более лёгким путём. Сам ведь он тоже был ответственным партийным советским работником, уяснившим, что его место там, где труднее всего, и вполне искренне проникся этой устремлённостью.

Видя истинную цену таким деятелям, герой не мог спокойно воспринимать, что они взялись не только контролировать каждый шаг руководителя, но и, “чтобы в глазах специалистов показать свою дутую значимость, не считали для себя зазорным вмешиваться в самую хозяйственную деятельность”. И не мог смириться с тем, как они ведут себя на высоких постах, заботясь не о благе народа и страны, а о своём собственном, порой шкурном интересе, при этом, не зная меры, злоупотребляя властью, данной им. Не от таких ли руководителей вскоре и произошло ослабление, а затем и развал великой страны? Уже тогда Анатолий Петрович столкнулся и с позднесоветскими чинушами, с их меркантильными торгашескими интересами, толкнувшими их, в конце концов, в западные страны, в разряд политэмигрантов, к смене гражданства.

Конечно, такие руководители, как, например, Оксана Петровна, были преданы своим партийным взглядам, принципиальны, в чём-то односторонне, даже максималистски наивно, и они проводили официальную линию как свою. Автор умело на контрасте показывает внешнюю сторону личности и внутреннюю. Его герой – мыслящий человек, в этом его преимущество, а порой и беда. Ведь всякий действительно мыслящий – уже инакомыслящий, особенно в обществе с единой идеологией, политическим контролем, а то и надзором за умами и делами людей. Опять же им движет идеал, но не напыщенный, не политически ангажированный, а идеал истинного гражданина, патриота, служащего Отечеству, а не его номенклатурным бонзам. И он безоглядно целеустремлён, с головой погружён в своё дело. Так, например, ему к диплому надо было написать толковую пояснительную записку более чем на двести страниц – объём романа, только не художественного, а технического. И он с этим справляется вдохновенно, талантливо, горя, а не дымя сырым валежником. “Рвут колёса слезавшийся дёрн – // клочья в стороны с воем летят! // Стаи чёрных, как уголь, ворон // перепуганно в небе кричат! // В милой жизни, где счастья звезда // нам горит всё сильнее и сильнее, // гонит, что ли, нас злая беда? Нет, мы сами несёмся за ней! // И разбиться до смерти – пустяк!.. // Чуть неверно я руль поверну – // тут же мигом сорвёмся в овраг // или врежемся с ходу в сосну! // Но мы молоды, нравом резки, // нам неведом растерянный страх. // Только кровь ударяет в виски, // только вёрсты мелькают в глазах!”

Однако и в своей безмерной любви к Марии, в силу своего безудержного волевого характера и взрывного темперамента, он не всегда может избежать конфликтов. Его целеустремлённая, не успокаивающаяся “бешеная” энергетика и воля порой вызывают в ней невольный внутренний протест, и при этом проявляется её “человеческий эгоизм”.

Через весь роман проходит мотив притирки характеров двух влюблённых людей, постепенного изживания их психологической несовместимости.

Выстраивая роман как художественную энциклопедию сибирской жизни, с описанием вековых обычаев и традиций, сменами времён и поколений, автор создаёт своеобразную полифонию прозаического слова с лирическими интонациями и экспрессивными диалогами. И я ловлю себя на мысли, что роман написан в лучших традициях соцреализма с его стремлением героев к недостижимому общественному идеалу и личному счастью. Впрочем, сейчас, в иной общественно-исторической формации можно говорить об этом произведении как реалистическом, овеянном романтическими мотивами. И, как отметил Лев Аннинский, этот роман Ивана Переверзина “достоин войти в долгую память русской прозы”.